

водил организационно-техническими мероприятиями по освоению алмазно-бурового оборудования для геологоразведки, внедрению производства кислородных баллонов. Его опыт и знания пригодились, когда Ижорскому заводу поручили изготовление первого отечественного блюминга.

Однако со временем болезнь Анатолия Никаноровича, которой он страдал еще в юности, все более прогрессировала, и к началу 30-х гг. он уже не мог самостоятельно передвигаться. Застарелый и не излеченный своевременно ревматизм, невнимание к своему здоровью, большая загруженность по работе — все это привело к инвалидности. А. Н. Фарфурин умер 17 мая 1931 г. и похоронен на Колпинском городском кладбище.

Велик его вклад в броневое производство. Он первым обобщил опыт предшественников и создал отечественную научно обоснованную технологию изготовления брони. Особенно ценные металловедческие исследования Фарфурин провел по установлению и объяснению связи между видом излома (волоконистого и кристаллического) надрезанных образцов легированной (броневой) стали и ее качеством, а также по установлению природы шиферного излома стали (связь между дендритностью и шиферностью). Фарфурин показал, насколько важно для повышения качества брони приводить ее в состояние, при котором она дает волокнистый излом. Он впервые установил, что изучение шиферности возможно только при волокнистых изломах стали и совершенно невозможно при кристаллических изломах.

При жизни Анатолия Никаноровича была опубликована лишь небольшая часть его работ — в журнале Русского металлургического общества за 1926–1928 гг.: «Излом стали и ударная проба», «Полосчатая структура и слоистый излом», «Новое об ударной пробе». Часть статей публиковались в специальных журналах в Германии. В последние годы жизни А. Н. Фарфурин работал над монографией по истории броневоего производства. К сожалению, она осталась незаконченной и хранится в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

Работы Фарфурина стали настольными пособиями молодых броневщиков; принципиальные положения их не потеряли значения и в наши дни ²⁰.

А. Н. Фарфурину было присвоено звание Героя Труда, которое до учреждения официального статуса Героев Социалистического Труда присваивалось решением ВЦИК СССР. После его смерти лаборатория, которую он создал и возглавлял многие годы, была названа его именем ²¹. Сегодня портрет Анатолия Никаноровича Фарфурина помещен в Галерею знатных металлургов в ЦНИИ конструкторских материалов «Прометей», где также хранятся его труды. В 2000 г. имя А. Н. Фарфурина внесено в «Золотую книгу Колпина».

Музей Ижорских заводов — своеобразная визитная карточка предприятия. Он бережно хранит и пропагандирует богатое наследие и лучшие традиции одного из старейших предприятий России.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 14; Оп. 13. Д. 31–33; Оп. 18. Д. 5; Оп. 20. Д. 19; Оп. 22. Д. 7; Оп. 36. Д. 4,5.

²¹ «Ижорец». 1931. 16 мая и 22 мая.

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ, М. Б. КОНАШЕВ

КАК И ПОЧЕМУ «ПРАВДА» УЧИЛА «БОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»? *

В истории советской печати немало статей, которые можно рассматривать как своего рода вехи, обозначающие «этапы большого пути». Одна из них — большая, на два подвала, статья без подписи (так называемая редакционная) «Об агробиологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”», опубликованная в центральном органе коммунистической партии газете «Правда» 14 декабря 1958 г. накануне пленума ЦК КПСС, посвященного сельскому хозяйству. В ней редколлегия журнала резко критиковали за борьбу с лысенковщиной.

Пленум заседал с 15 по 19 декабря. В обширном докладе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов» (опубликован в «Правде» 16 декабря) было подчеркнуто, что «заслужили всеобщее признание работы Т. Д. Лысенко по вопросам биологии». Выступая в прениях, секретарь ЦК КП Азербайджана И. Д. Мустафаев заявил: «Особенно плохо обстоит дело в области биологической науки, как об этом было указано в газете “Правда” от 14 декабря, где говорится о непонятном поведении “Ботанического журнала” и некоторых наших ученых», которые, дескать, позорят замечательного ученого Т. Д. Лысенко, навешивая ярлыки вместо товарищеской критики. Последовала реплика Н. С. Хрущева: «Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставить других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса»¹. Следующим выступал сам Т. Д. Лысенко. Досталось всем: и зарубежным, и отечественным критикам «народного академика», и академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР В. А. Энгельгардту, и президенту АН СССР А. Н. Несмеянову («Правда» от 18 декабря).

В заключительном слове на пленуме, опубликованном в «Правде» 21 декабря, Н. С. Хрущев снова похвалил Трофима Денисовича: «Замечательно выступили с этой трибуны академик Лысенко и другие товарищи». А 22 декабря в «Правде» была напечатана редакционная колонка «Историческое пятилетие», в которой к интересным, помимо выступлений нескольких пофамильно названных председателей колхозов и механизаторов, было отнесено и выступление «народного академика».

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проекты № 01-03-00354а, № 02-03-18008а.

¹ Цит. по: Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М., 1988. С. 326.

В. Н. Сукачев, 1957 г.

В результате через несколько дней последовало решение Президиума АН СССР, согласно которому всю редколлегию «Ботанического журнала», включая главного редактора академика В. Н. Сукачева, заместителя главного редактора академика (в то время члена-корреспондента) Е. М. Лавренко, и. о. ученого секретаря Д. В. Лебедева, а также академиков В. Б. Сочаву, А. Л. Тахтаджяна, П. М. Жуковского, члена-корреспондента П. А. Баранова, заменили новым составом. В новую редколлегию вошли ведущие лысенковцы А. А. Авакян, П. А. Власюк, П. А. Генкель, А. А. Шахов и др. Вскоре были произведены и другие «перестановки кадров»: вместо В. А. Энгельгардта пост академика-секретаря Отделения биологических наук занял Н. М. Сисакян, он в то время не был академиком, но считался верным сторонником Лысенко, Н. П. Дубинина освободили от должности директора созданного им Института цитологии и

генетики СО АН СССР, а из редакции журнала «Известия АН СССР. Серия биологическая» удалили А. Е. Гайсиновича, и т.д. и т.п. Для генетики и генетиков «хрущевская оттепель» закончилась. Вошедший в раж Хрущев грозился разогнать к «чертовой матери» и саму Академию наук, но успел лишь не допустить переизбрания в 1961 г. президента АН СССР А. Н. Несмеянова, который поддерживал противников Лысенко.

Почему же именно «Ботанический журнал» был выбран для показательной демонстрации административных мер партийно-правительственного аппарата с целью не допустить дальнейшего углубления критики «мичуринской биологии»? Гнев Н. С. Хрущева был вызван тем, что ботаники первыми попытались использовать провозглашенный в докладе Г. М. Маленкова на XIX съезде партии КПСС в 1952 г. тезис, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики, для подрыва монополии Т. Д. Лысенко. Директор Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР (БИН) П. А. Баранов в том же году направил в Президиум АН СССР записку, где говорилось о необходимости возобновить работы по полиплоидии и гетерозису со ссылками на работы американских генетиков и селекционеров по гибридной, высокоурожайной кукурузе. Впервые после Августовской сессии ВАСХ-НИЛ 1948 г. прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблему вида и видообразования на страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», редколлегию которого так-

же возглавлял В. Н. Сукачев. Вскоре отдельные выступления переросли во фронтальную борьбу всего научного сообщества, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. Роль программных документов в этой борьбе сыграли две редакционные статьи в «Ботаническом журнале», написанные Д. В. Лебедевым². Переводы одной из них на болгарский, чешский, словацкий, румынский и итальянский языки позволили интернационализировать новый этап борьбы с лысенковщиной, вовлекая в нее ученых из стран народной демократии и сторонников СССР на Западе. В 1955 г. удалось добиться реабилитации Н. И. Вавилова. В том же году В. Я. Александров, Д. В. Лебедев и Ю. М. Оленов подготовили письмо в Президиум ЦК КПСС, которое подписали более трехсот отечественных ученых разных специальностей, требовавших положить конец лысенковщине³.

Поскольку под письмом стояли подписи крупнейших математиков, физиков и химиков, которых вряд ли всерьез волновали разногласия вокруг законов Г. Менделя, властям становилось ясно, что фактически дискуссия стала выходить за пределы биологической проблематики, приобретая характер политической оппозиции. К этому времени пролысенковские высказывания Хрущева четко предопределили противостояние. С одной стороны, партийно-правительственный аппарат, выполнявший волю своего лидера, с другой — научное сообщество, отстаивавшее свободу научного творчества, свободу развития науки. В мае 1957 г. Д. В. Лебедев даже выступил на партийном собрании в БИНе с критикой высказывания Хрущева, утверждавшего: «Лысенко нас никогда не подводил», и показал провал всех рекомендаций «народного академика» и нанесенный им вред сельскому хозяйству.

Подобной дерзости власти уже не могли спустить. 8 декабря 1957 г. в газете «Известия» появилась статья Т. Д. Лысенко с серьезными обвинениями в адрес «Ботанического журнала» и В. Н. Сукачева, аналогичная статья была опубликована в «Правде». Д. В. Лебедева попросили написать ответ. С «Правдой» воевать было нельзя, а в «Известия» ответ можно было послать. В ответе Д. В. Лебедев исходил из написанных им ранее редакционных статей для «Ботанического журнала», а также многочисленных публикаций в других периодических изданиях. «Известия» ответ не приняла. Тогда 17 декабря 1957 г. на заседании ученого совета Всесоюзного ботанического общества (ВБО) было заслушано выступление Е. М. Лавренко об обвинениях «Известий» в адрес редколлегии «Ботанического журнала». По итогам обсуждения ученый секретарь общества В. И. Полянский зачитал подготовленную Д. В. Лебедевым резолюцию, которая была принята единогласно и опубликована⁴.

² Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 2. С. 202–223; Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 206–216.

³ В Президиум ЦК КПСС: Письмо 1955 г. [О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т. Д. Лысенко и лысенковцев] // Правда. 1989. 13 января; Александров В. Я., Лебедев Д. В. Это было «Письмо трехсот»: Возвращаясь к напечатанному // Правда. 1989. 27 января.

⁴ Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 2. С. 312–315.

Статья прошла через Главлит, но контрольный экземпляр, посланный в ЦК, вызвал раздражение, и было приказано все экземпляры изъять. Но Библиотека АН СССР (БАН) еще раньше получила разрешение ничего в таких случаях не возвращать (сначала нужно было просить специальное разрешение на каждую книгу). Все-таки Д. В. Лебедев предупредил заведующего Академическим собранием БАН, чтобы он берег номер, а так как был прислан и «кастрированный», то на полке стояли два экземпляра одного и того же номера, причем в одном была бумажка с надписью «выдавать только по разрешению директора». В «Летописи газетных статей» запись об этом документе осталась.

Таким образом, эта резолюция является уникальным документом времен «хрущевской оттепели», так как пропущенная цензурой, она оказалась изъята ЦК КПСС, усмотревшим в ней прямую опасность партийной монополии на конечную истину в науке. Однако публикация резолюции имеет большое значение и для решения целого ряда проблем социальной истории отечественной науки. Долгое время для ее описания использовались два цвета — белый и черный. Символом подобного подхода стал один из первых бестселлеров перестройки — роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды» (1987). Открывшиеся архивы способствовали разрушению многих мифов о бескорыстных искателях истины, облаченных в белые одежды, что породило тенденцию изображать всех участников борьбы с лысенковщиной в серых тонах⁵. Подобный дальтонизм при описании трагических событий борьбы за генетику столь же мифологичен, как и еще недавно господствовавшая легенда о «героях и злодеях российской науки». По сути дела новый миф подкрепляет позицию тех, кто уверяет, что в советские времена наука всегда процветала, а симбиоз партийно-правительственного аппарата и научного сообщества приносил лишь ценные плоды.

В действительности же ситуация была намного сложнее не только в годы Большого террора, когда почти каждый шестой из научной элиты академиков и членов-корреспондентов был репрессирован, но и в период «хрущевской оттепели», удивившей мир достижениями советской науки. Государство, продолжая оставаться единственным заказчиком научных исследований, по-прежнему старалось с максимальной эффективностью использовать их для получения знаний, пригодных для подъема экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики и господства над обществом, для повышения своего международного статуса. К тому времени уже было воспитано поколение ученых, в целом разделявших мораль, планы и мировоззрение партийно-правительственного аппарата. Ученое сообщество в СССР отлично понимало, что только государство может предоставить средства для осуществления научных проектов, и стремилось к взаимопониманию с ним, подчеркивая «идеологическую корректность» своих научных исследований и их огромное практическое значение. Но при этом оно старалось остаться

⁵ *Krementsov N. L. The Stalinist Science. Princeton, 1997; Academia in Upheaval. Origins, Transfers and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe /Ed. by M. David-Fox and G. Peteri. London, 2000.*

в русле мировой науки, следовать ее стандартам, поэтому болезненно относилось к вмешательству властей в определение стратегии научного поиска.

В результате были неизбежны этические и политические компромиссы. Ученые, убеждавшие власти предержащие, что их исследования необходимы, должны были вести диалог с ними на понятном им языке, с использованием понятных им идеологием, демонстрируя преданность политике партии, делу построения коммунизма, официальной философии, но в то же время требовали не только финансово-материальные ресурсы, но и невмешательства в саму науку. К последнему лидеры СССР были не готовы. Они по-прежнему поддерживали возникшие в сталинские годы различного рода псевдонаучные построения и считали, что последнее слово в решении научных проблем должно принадлежать им. Они старались контролировать все стороны жизни научного сообщества, что и порождало его ответную реакцию.

После смерти Сталина и ареста Берии у ученых исчез страх физического уничтожения и усилилось чувство профессиональной ответственности за судьбы отечественной науки. Они стали требовать от властей большего уважения к их экспертным оценкам, советам и планам. Но власть не была готова удовлетворить их требования, что порождало чувство протеста и формирование оппозиционных настроений. Стало зарождаться диссидентское движение. Как видно из изъятной резолюции Всесоюзного ботанического общества, уже не отдельные ученые и даже не коллективы «подписантов», что особенно не любили власти, а целая организация, находящаяся под партийным контролем, выступала не только против Лысенко, поддержанного Хрущевым, но и главных партийно-правительственных периодических изданий «Правды» и «Известий», выражавших официальную политику. Вскоре аналогичную резолюцию приняло и правление МОИП. В резолюции также четко и ясно видно, что в борьбе с лысенковщиной участвовало фактически все научное сообщество СССР при поддержке зарубежных ученых разных стран. Наконец, в ней подведены главные итоги многолетней дискуссии с лысенковцами, чьи построения полностью противоречили стандартам мировой науки. Все это позволяет оценить ее как уникальный исторический документ, несмотря на специфический стиль «хрущевской оттепели».

Характерно, что в ответ на «кастрацию» «Ботанического журнала» редколлегия откликается третьей редакционной статьей, подготовленной Д. В. Лебедевым⁶, которая и переполнила чашу терпения властей. В ней Хрущев, возможно, усмотрел прямое издевательство над собой, так как демонстрация провала всех сельскохозяйственных начинаний Лысенко шла со ссылками на высказывания Хрущева о том, что о научных достижениях надо судить не по словам, а по делам. В ответ последовали уже упоминавшиеся статья в «Правде», гневная реплика Хрущева и разгром непокорной редколлегии. Власть должна была действовать быстро, так как статья имела огромный общественный резонанс. По свидетельству В. П. Эфроимсона, работавшего тогда в Библиотеке иностранной литературы, в читальном зале за восьмым но-

⁶ О некоторых проблемах советской биологии (по поводу статьи Т. Д. Лысенко «За материализм в биологии») // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 3. С. 1135–1145.

мером «Ботанического журнала» выстроилась живая очередь. Номер после прочтения сразу переходил к другому.

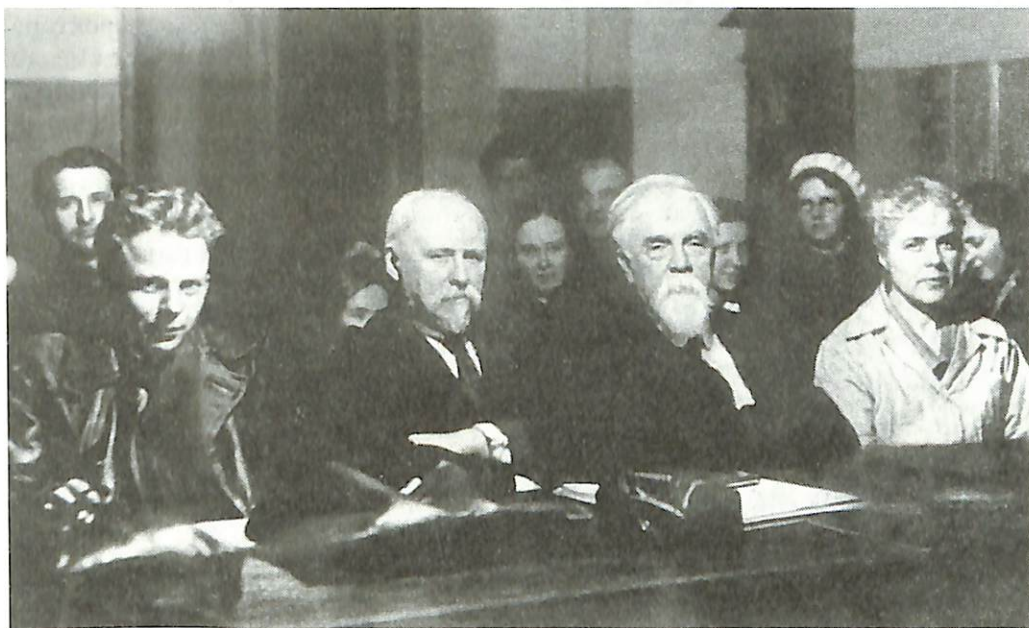
Считается, что период новых «заморозков» для генетиков был относительно непродолжительным. После октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 г., сместившего Н. С. Хрущева, генетика в нашей стране как будто вновь получила права гражданства. Но в полный голос о ее судьбе, о лысенковщине ученые и писатели смогли заговорить только в 1987 г. С тех пор появилось немало прекрасных книг и статей, опубликовано и немало документов. Однако еще далеко до полной реконструкции реального хода событий. На смену мифам доперестроечной и перестроечной эпох пришли новые мифы, в которых всю борьбу с лысенковщиной пытаются свести к обычной конкуренции внутри научного сообщества за покровительство властей и финансово-материальные ресурсы. При этом фактически уравниваются мотивы и действия героически сопротивлявшихся жертв с мотивами и действиями их палачей. Игнорируется тот факт, что в основе трагедий, разыгравшихся вокруг лысенковщины, была борьба не за те или иные научные принципы и не за ликвидацию научных оппонентов, а за свободу науки против ее подчинения приказам сверху. Поэтому в ней участвовали математик М. А. Лаврентьев, химики А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев, биохимик В. А. Энгельгардт. Поэтому в одном лагере науки были дарвинист В. Н. Сукачев и ламаркист П. А. Баранов.

К настоящему времени в истории отечественной биологии еще слабо освещены многие ключевые фигуры борьбы с лысенковщиной, действия которых никак нельзя объяснить их конкуренцией со сторонниками «народного академика» за финансово-материальные и людские ресурсы. Именно о них говорится в письмах, отобранных Д. В. Лебедевым для публикации из личного архива. В них представлены не только хрестоматийные фигуры этой борьбы (академики и члены-корреспонденты АН СССР В. Н. Сукачев, И. И. Шмальгаузен, В. А. Энгельгардт, Н. П. Дубинин), но и те, кто находился за сценой, выполняя огромный объем научно-организационной и редакционной работы. Среди этих борцов «невидимого фронта» были В. Я. Александров, Г. Г. Левин, Ю. М. Оленов, В. И. Полянский, В. В. Скрипчинский, М. С. Яковлев и многие другие.

Из писем также видно, что особая роль в этой борьбе принадлежала самому Д. В. Лебедеву. Не случайно Р. Л. Берг назвала его «великим антилысенковистом»⁷. Сам он оценивал свои заслуги скромнее, говоря, что он «антилысенковец с довоенным стажем»⁸. Борьба с лысенковщиной стала главным делом его жизни. Начав с геоботаники и установив контакты с ведущими тогда ботаниками, включая В. Л. Комарова, он в конечном счете предпочел гонимую генетику и поступил в аспирантуру к Г. Д. Карпеченко — одному из ближайших соратников Н. И. Вавилова. После ареста Г. Д. Карпеченко и других профессоров кафедры генетики растений Л. И. Говорова и Г. А. Левитского, разделивших трагическую судьбу Н. И. Вавилова, Лебедев отказался раска-

⁷ Берг Р. Л. Сухой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. С. 237–238.

⁸ Лебедев Д. В. Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / Ред. М. Г. Ярошевский. Л., 1991. Т. 1. С. 264–282.

*Сотрудники кафедры ботаники ЛГУ, 1931 г. (?)
Слева направо: Д. В. Лебедев, В. Л. Комаров, Н. А. Буш, О. А. (?) Муравьева*

яться, за что был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры. Впоследствии он много сделал для реабилитации своих учителей-генетиков и прежде всего для увековечивания памяти Г. Д. Карпеченко в ряде очерков и статей. Тогда его от неминуемого ареста за недоверие к деятельности НКВД спас срочный отъезд в Ереван и разразившаяся через месяц война, которую он начал младшим лейтенантом, а закончил майором в должности командира полка с множеством боевых наград.

Д. В. Лебедев не захотел продолжить блестящую карьеру боевого офицера и, демобилизовавшись в феврале 1946 г., выбрал новую для себя специальность заведующего научной библиотекой в Ботаническом институте, где в короткий срок овладел комплексом специальных библиотечных и библиографических знаний. Проблемы генетики отныне не входили в круг его профессиональных интересов, а печальная судьба учителей и чудом несостоявшийся арест, казалось, должны были побуждать держаться в стороне от начатого после войны В. Н. Сукачевым и И. И. Шмальгаузенем нового раунда борьбы с Т. Д. Лысенко. Однако все было наоборот. «Пепел Клааса стучал в его сердце». Будучи заместителем секретаря парторганизации БИНа, он завязывает контакты с Сукачевым, обсуждая возможность замены Б. К. Шишкина на посту директора БИН В. Ф. Купревичем, Е. М. Лавренко или В. И. Полянским, которые могли бы быть более активными и полезными в этой борьбе. К чести Шишкина надо сказать, что после Августовской сессии ВАСХНИЛ он не стал выполнять приказ об изгнании из института всех антилысенковцев, ос-

Д. В. Лебедев, осень 1942 г.

по инициативе директора Ботанического института П. А. Баранова он стал сотрудником группы истории и библиографии ботаники, а с 1962 по 1978 гг. был ученым секретарем этого крупнейшего института Ленинграда. Однако и на сей раз он не довольствовался исследованием только идейных споров прошлого. Пепел Клааса продолжал стучать в его сердце. Именно в этот период развернулся его талант организатора борьбы с лысенковщиной и автора главных антилысенковских выступлений, напечатанных в качестве редакционных статей и резолюций. В этой борьбе он становится ближайшим соратником В. Н. Сукачева и П. А. Баранова, с которыми его связывала тесная дружба. В письме В. Н. Сукачева от 7 января 1959 г., где речь идет о судьбе «Ботанического журнала», есть и такие слова, обращенные к Д. В. Лебедеву: «Вы так много отдавали ему своих сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это я,.. крепко жму Вашу руку и как бывший гл. редактор «Ботанического журнала» благодарю Вас за все, что Вы сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много». Вместе с В. Я. Александровым, Д. А. Сабининым, И. А. Рапопортом, В. С. Кирпичниковым и В. П. Эфроимсоном он заслужил славу рыцарей науки, спасших ее честь и достоинство по велению сердца и благодаря глубочайшей уверенности в неизбежности победы научной истины.

тавив и Д. В. Лебедева. Вскоре Лебедев стал заместителем директора Библиотеки АН СССР, а через месяц после вступления в эту должность его назначают и.о. директора этой одной из крупнейших библиотек мира. Попытка соблюсти на этом посту элементарные правила профессионализма, чести и достоинства вызвали стандартный в те годы набор обвинений в космополитизме, засорении кадров, препятствии в «очистке» фондов, в идеологических прегрешениях и т.д. В конечном счете Д. В. Лебедева уволили и исключили из партии. На этот раз от ареста спасла смерть И. В. Сталина. Хорошая память о его недолгом директорстве до сих пор сохраняется в коллективе библиотеки, хотя уже почти не осталось в живых свидетелей этого времени. В 1992 г. БАН выпустила библиографический указатель его трудов⁹.

Новый этап в биографии Д. В. Лебедева начался в июле 1953 г., когда

⁹ Даниил Владимирович Лебедев. Библиографический указатель. СПб., 1992.

П. А. Баранов (слева) и В. Н. Сукачев, 1954 г. (?)

С 1978 г. до ухода на пенсию Д. В. Лебедев работал в секторе истории и теории эволюционного учения Ленинградского отдела Института истории естествознания и техники АН СССР, став бесценным кладом знаний и мудрым учителем и советчиком для многих молодых тогда историков биологии, включая и авторов данного предисловия. Его заслуги признаны всеми авторами работ по истории генетики в СССР: М. А. Поповский¹⁰, Д. А. Гранин¹¹, Ж. А. Медведев¹², В. А. Сойфер¹³ не раз прибегали к его уникальной памяти, личному архиву и мастерству редактора при подготовке к публикации своих книг. 16 октября 1990 г. за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции он в составе группы ученых был награжден высшей государственной наградой — орденом Ленина¹⁴. Он единственный соросовский профессор, не имеющий даже кандидатской ученой степени. Однако отсутствие оной не помешало ему стать автором 580 научных работ, включая три монографии. Под его редакцией вышло 27 книг. Об уникальности жизненного пути Д. В. Лебедева можно судить и по тем фотографиям, которые он предоста-

¹⁰ Поповский М. А. Дело академика Вавилова. Анн Арбор, 1983. С. 237–238, 244.

¹¹ Гранин Д. А. Зубр. Л., 1987. С. 126–127, 241.

¹² Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993. С. 13.

¹³ Сойфер В. А. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1983. С. 15, 128, 147, 214, 315, 358, 375, 376, 436, 517, 524, 536, 545, 548, 550, 560–562, 564, 565, 592.

¹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета СССР. 1990. № 42. С. 1062.

Д. В. Лебедев (слева) и В. Я. Александров, 1990 г.

вил для иллюстрации публикуемых архивных материалов и вступительной статьи к ним.

Широко известна фраза: «История меня оправдает». Однако чтобы история выносила свой приговор, требуется большая работа участников истории, в том числе людей, сохранивших исторические документы. С прошествием времени часть этих документов говорит сама за себя, благодаря, так сказать, исторической перспективе, когда комментарии уже излишни. В той же «Правде» 29 декабря, накануне нового 1959 г., была опубликована (тоже без подписи) статья «СССР будет страной самого высокого жизненного уровня населения». Сегодня какие-либо комментарии к этому заголовку, возможно, тоже излишни. Но упрощением было бы думать, что на все вопросы из истории взаимоотношений науки и власти в нашей стране получены окончательные ответы, а эти ответы уже усвоены всеми, включая и профессиональных историков науки.

Ниже впервые публикуются документы 1948–1959 гг. (кроме резолюции), любезно предоставленные Д. В. Лебедевым из его личного архива.

**«Подавляющее большинство участников дискуссии...
высказались против концепции академика Т. Д. Лысенко»**

№ 1

**Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества
от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора
«Ботанического журнала»
члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко**

Совет Всесоюзного ботанического общества, заслушав и обсудив сообщение заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко о деятельности журнала, поставленное по просьбе членов Совета в связи с опубликованием в газете «Известия» от 8 декабря 1957 г. статьи академика Т. Д. Лысенко «Теоретические успехи агрономической биологии», содержащей ряд обвинений в адрес журнала и его главного редактора академика В. Н. Сукачева, констатирует следующее:

1. «Ботанический журнал» является печатным органом Всесоюзного ботанического общества, объединяющего в своих рядах основные кадры ботаников страны. Тем самым он служит органом советской научной ботанической общественности. Его важнейшие задачи — всемерное развитие всех отраслей ботаники с целью содействия социалистическому строительству и укреплению диалектико-материалистического мировоззрения в биологии. Исходя из этих задач, редакция «Ботанического журнала» открыла в 1952 г. дискуссию по проблеме вида и видообразования в связи со статьей академика Т. Д. Лысенко «Новое в науке о биологическом виде».

Эта дискуссия, проходившая в обстановке широкого обмена научных мнений, имела большое значение для развития советской биологии. На страницах «Ботанического журнала» было опубликовано несколько десятков статей и, кроме того, в редакционных обзорах изложено содержание почти ста статей и писем, которые не могли быть напечатаны за отсутствием места. При этом «Ботанический журнал» предоставлял свои страницы и сторонникам и противникам взглядов Т. Д. Лысенко. Вслед за «Ботаническим журналом» дискуссионные статьи публиковали не только другие специальные журналы («Бюллетень Московского общества испытателей природы», «Журнал общей биологии», «Успехи современной биологии», «Зоологический журнал», «Микробиология», «Известия АН СССР. Серия биологическая», «Вестник Академии наук КазССР», «Труды Академии наук ТаджССР», «Вестник Ленинградского университета», «Ученые записки Томского университета», «Лесное хозяйство» и др.), но и философские («Вопросы философии»), литературно-художественные и общественно-политические («Новый мир», «Знамя», «Наш современник»), а также газеты («Литературная газета», «Учительская газета», «Медицинский работник»). Дискуссия развернулась на многочисленных заседаниях и конференциях (в частности, в Воронежском, Ленинградском и Томском университетах). Журнал «Коммунист» (1954 г., № 5) в передовой статье «Наука и жизнь» осудил попытку заглушить дискуссию. Дискуссия бы-

ла поддержана газетой «Правда», опубликовавшей 26 марта 1954 г. письмо профессора С. С. Станкова по поводу диссертации В. С. Дмитриева, основанной на взглядах Т. Д. Лысенко по вопросам видообразования.

Многие материалы дискуссии были переведены, целиком или в сокращенном виде, на болгарский, итальянский, китайский, немецкий, польский, румынский, словацкий, чешский и другие языки. Вслед за Советским Союзом дискуссия развернулась в странах народной демократии и среди прогрессивных биологов капиталистических стран. Выступления по затронутым в дискуссии вопросам печатались во многих коммунистических газетах и журналах («Нейес Дейтчлянд» (ГДР), «Трибуна люду» (Польша), «Ринашита» (Италия), «Пансе» (Франция) и др.

Подавляющее большинство участников дискуссии, как в Советском Союзе, так и в странах народной демократии, в том числе наиболее высококвалифицированные биологи, высказались против концепции академика Т. Д. Лысенко. Они показали ее фактическую необоснованность, теоретическую несостоятельность и практическую бесплодность. Итоги дискуссии были дважды подведены редакцией «Ботанического журнала» (1954 г. № 2; 1955 г. № 2).

Таким образом, обвинение, направленное академиком Т. Д. Лысенко в адрес редакции «Ботанического журнала», что журнал начал «под флагом якобы материалистической биологии весьма далекую от науки критику моих работ и согласных с нами научных сотрудников», не соответствует действительности. Это обвинение незаслуженно падает на широкие круги советских биологов, борющихся за материалистическое мировоззрение.

2. Дискуссия, начатая в связи с концепцией «порождения» видов академика Т. Д. Лысенко, не могла, однако, ограничиться только этим кругом вопросов. В советской биологии, имеющей выдающиеся и несомненные достижения и заслуги, накопилось много и догматических представлений, совершенно недостаточно подкрепленных фактами и неверных с точки зрения философии диалектического материализма. Это обстоятельство тормозило дальнейшее развитие науки и существенно ослабляло возможность ее действенной помощи народному хозяйству страны. Научная дискуссия по основным вопросам эволюционного учения, генетики, цитологии и многих других разделов биологии стала жизненной необходимостью.

Исходя из того, что ни один ученый, в том числе и академик Т. Д. Лысенко, не может претендовать на то, чтобы его взгляды считались «окончательной истиной в последней инстанции», «Ботанический журнал» развернул научное обсуждение таких вопросов, как адекватность наследственной изменчивости, наследование «приобретенных признаков», вегетативная гибридизация, материальные основы наследственности и др. В ходе этого обсуждения были подвергнуты принципиальной критике многие высказывания Т. Д. Лысенко и его сторонников и приведен ряд фактических (экспериментальных) данных, противоречащих его утверждениям. Предоставляя ряду советских ботаников возможность высказывания своих мнений по этим кардинальным вопросам биологии, редакция «Ботанического журнала» проводила и проводит линию защиты и развития материалистического учения о естественном отборе как основном законе органической эволюции, определяющем возникновение при-

способности животных и растений к условиям окружающей среды и их многообразии.

Таким образом, и второе обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «Ботанического журнала», якобы отрицающего «всю концепцию материалистической биологии», является полностью голословным.

3. Характерная черта современного естествознания — все более тесное взаимодействие многих наук, ранее бывших разделенными. Для биологии в этой связи наиболее существенно глубокое проникновение новых методов исследования, основанных на новейших достижениях математики, физики и химии, появление новых концепций, в разработке которых, наряду с биологами, деятельно участвуют представители этих дисциплин. В частности, огромным достижением современной биологии является плодотворное проникновение в нее методов и идей атомной физики.

«Ботанический журнал» всемерно, хотя еще и недостаточно, способствует этой, безусловно, прогрессивной тенденции в развитии ботаники, ничего общего не имеющей с отрицанием специфики жизненных явлений.

При изучении специфики явлений жизни на данном этапе развития науки уже недостаточно ограничиваться ее простым утверждением, надо исследовать ее, применяя самые новые, самые современные методы, используя самые последние достижения физики и химии.

Кроме того, нельзя забывать и об огромной заинтересованности представителей математики, физики и химии явлениями жизни, особенно усилившейся в связи с расширением наших знаний о влиянии атомной энергии на организм. Изучение биологических явлений становится необходимостью для дальнейшего развития самой физики и самой химии.

Таким образом, и третье обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «Ботанического журнала», якобы отвергающего «всякую специфичность биологических закономерностей», не может быть признано состоятельным.

4. Многие догматические утверждения в области биологии широко вошли за последние годы в школьные и вузовские программы и учебники. Это обстоятельство вредно сказывается на подготовке молодых кадров по ряду разделов биологии. «Ботанический журнал», развивая дискуссию по основным проблемам видообразования, помогал и помогает преодолению этого недостатка, способствует устранению чуждого науке духа догматизма, знакомит научную молодежь с подлинными достижениями советской ботаники и состоянием мировой науки на ее современном этапе.

Поэтому и последнее обвинение академика Т. Д. Лысенко в адрес «Ботанического журнала», который якобы «затуманивает головы некоторой части молодых биологов», не только не соответствует действительному положению вещей, но и дает о нем совершенно извращенное представление. Научная дискуссия никак не может «тормозить развитие науки». Наоборот, она является необходимым условием ее развития, залогом ее успехов.

Основываясь на вышеизложенном и учитывая, что Второй делегатский съезд Всесоюзного ботанического общества, во-первых, в резолюции «О работе Всесоюзного ботанического общества за 1950–1957 гг. и его дальнейших задачах», принятой единогласно 14 мая 1957 г., признал необходимым

«всемерно развивать научные дискуссии по принципиальным проблемам всех разделов ботаники, проводя их в духе свободного творческого соревнования направлений, дружеской взаимной критики и уважения к противоположным взглядам», Совет Всесоюзного ботанического общества постановляет:

1. Признать правильной деятельность редакционной коллегии «Ботанического журнала» и его главного редактора академика В. Н. Сукачева и одобрить проведенные ими мероприятия по широкому развитию научных дискуссий по основным проблемам ботаники.

2. Опубликовать настоящую резолюцию в ближайшем номере «Ботанического журнала».

3. Поручить Президиуму Всесоюзного ботанического общества направить от имени совета в редакцию газеты «Известия» письмо, излагающее точку зрения совета, сформулированную в настоящей резолюции, а также и самую резолюцию.

(Принято единогласно).

№ 2

Д. В. Лебедев — В. Н. Сукачеву

Ленинград, 29 мая 1948.

Многоуважаемый Владимир Николаевич.

Вчера я был вызван в Горком, где со мной разговаривали о директоре института. Еще раз было выражено твердое убеждение Горкома о недопустимости оставления на этом посту Б. К. Шишкина¹. Было высказано соображение о необходимости избрания энергичного и авторитетного ученого, способного осуществить восстановление института. В Горкоме сказали, что, так как Е. М. Лавренко² категорически отказался от выдвижения его кандидатуры, им интересно выслушать соображения парторганизации БИНа о других возможных кандидатах.

Я следующим образом выразил мнение нашей организации:

Во-первых, нам кажется, что вопрос с Е[вгением] М[ихайловичем] еще не решен окончательно. Отказ Е[вгения] М[ихайловича], как нам представляется, не столь уж категоричен, тем более, что он раньше был согласен. Отказ был вызван задержкой и, может быть, тем, что с ним, кроме Вас, никто не разговаривал. Мы считаем, что «угovorить» Е[вгения] М[ихайловича] возможно и это стоит делать. Е[вгений] М[ихайлович] является наиболее подходящей кандидатурой, с нашей точки зрения.

Во-вторых, мы считаем, что среди профессуры института, не достигшей еще академического ранга, есть вполне достойные кандидаты на пост директора.

На это последовал ответ, что в Горкоме и выше считают такой вариант вполне приемлемым и допустимым. Нужно только, чтобы человек удовлетворял высоким требованиям, предъявляемым кандидату на пост директора академического учреждения.

Так как мы на бюро обсуждали и такой вариант, я смог сразу же назвать

имя Василия Феофиловича Купревича³. Вслед за ним был упомянут Владимир Иванович Полянский⁴, несколько дней назад демобилизовавшийся и покинувший Военно-медицинскую академию.

Мне предложили срочно (не позднее утра 31 мая) представить в Горком анкеты, личные листы, автобиографии и др. документы на обоих, с тем, чтобы связаться с Москвой и обсудить кандидатуры. Сами Купревич и Полянский пока ничего не знают.

Я считаю необходимым информировать Вас об этом разговоре. Партийная организация и весь коллектив БИНа, безусловно, поддержат и Е[вгения] М[ихайловича] и В[асилия] Ф[еофиловича] во всем, что они предпримут для улучшения работы института. Есть один абсолютно неприемлемый вариант — оставление статус кво.

Между прочим, в Горкоме считают, что времени еще вполне достаточно для того, чтобы подобрать кандидата и провести его на предстоящей секции.

От имени партийной организации прошу Вас в случае окончательного отказа Е[вгения] М[ихайловича] поддержать кандидатуру Купревича или Полянского.

С искренним приветом.

Р. С. В. Б. Сочава⁵ рассказывает, что в Москве говорят о нездоровой атмосфере в БИНе, о сплетнях и т. д. Это неверно. Действительно после заседания бюро кто-то пустил слух о Ширшове⁶. Это продолжалось до моего возвращения из Москвы, так как я категорически опроверг и, кажется, пресек распространение этих слухов. Но то, что все ждут смены директора, так как понимают, что теперешнее положение дольше продолжаться не может, это точно.

№ 3

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

Москва. 9.10.1955.

Глубокоуважаемый Даниил Владимирович!

Вернувшись из поездки в Ворошиловградскую область на нашу опытную станцию, нашел и с большим интересом и удовольствием прочел Вашу статью о Новинском⁷. Новинского читал как раз в самолете, возвращаясь из Ворошиловграда.

Я полностью согласен с тем, что Вы пишете. Мне только жаль, что Вы зачеркнули фразу в конце первого абзаца на 8-й стр.⁸ Редакция проявила не только нетребовательность к автору, но несет ответственность за биологическую безграмотность автора. Печатаемая статья в отделе дискуссий, редакция не несет ответственности за спорные высказывания автора, но она ответственна за допущения неграмотностей в статье. Но, может быть, чтобы не осложнять вопрос о печатании Вашей статьи в «Вопр[осах] философии», эту фразу лучше опустить. Если же Вашу статью будем печатать в «Бот[аническом] жур[нале]», то эту фразу надо восстановить.

Конечно, если редакция «Вопр[осов] филос[офии]» не примет Вашу статью, то мы ее напечатаем в «Б[отаническом] ж[урнале]».

Меня удивляет то, что за последние 2 1/2 года, как ведется наша дискуссия, все еще наши философы не уяснили элементарных вещей. К большому сожалению даже среди, казалось бы, наших сторонников — биологов, есть лица, которые не понимают до сих пор проблемы борьбы за существование, особенно внутривидовой, и высказываются так, что они, хоть и не сильно, но всё же ослабляют наши позиции.

Я собираюсь приехать в Ленинград 12 окт[ября]. Тогда поговорим об этих вопросах подробно.

Всего доброго.

С искренним приветом

В. Сукачев

№ 4

Н. П. Дубинин⁹ — Д. В. Лебедеву

29 мая 1956 г.

Дорогой Даниил Владимирович,

Вам ясно из публикуемых списков о ряде недостойных кандидатов в ВАСХ-НИЛ, имеются сведения, что наличие отводов последних прямо в ЦК КПСС во многом помогло бы делу. Если бы ленинградские товарищи написали отводы всем, либо им. В Москве будем писать своим чередом. Дело это срочное, ибо выборы в июне, в начале месяца.

Дорогой Даниил Владимирович, восхищен глубиной и изяществом Вашего пера, нашей науке очень повезло, что у нее оказалась такая великолепная «шпага», вставшая на защиту ее чести и жизни.

Крепко жму руку.

Преданный Вам

Дубинин

№ 5

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

16.9.1957.

Дорогой Даниил Владимирович!

Если Вас не затруднит, то я был бы очень Вам благодарен за выяснение следующего. В одной работе я нашел указание, что Backmann¹⁰ в 1950 г. опубликовал статью, где он говорит о *Najas Bogaljnbovii* на стр. 15. Однако нет данных, где напечатана эта статья. Так, как мне известно, что A. L. Backmann печатал статьи о *Najas Mexilis* в 1949 г. и о *Najas marina* в 1941 в *Acta Botanica fennica*, то, вероятно, и статья, где упоминается о *Najas Bogaljnbovii*, помещена в этом журнале. В Вашей библиотеке БИНа, наверное, этот журнал за 1950 г. имеется. Поэтому я позволяю себе просить Вас навести справку об этой статье Backmann'a и сообщить мне. Буду чрезвычайно Вам благодарен, т.к. уточнение этого вопроса для меня очень необходимо, а здесь в Москве это трудно сделать.

Из Тбилиси, куда я, вероятно, поеду на сессию Отделения биологических

наук, возвращусь к 4–5 ок[тября] и тогда, если надо, я могу приехать в Ленинград для проведения редколлегии «Б[отанического] ж[урнала]».

Всего доброго.

С искренним приветом

Ваш В. Сукачев

P.S. С огромным интересом прочел Вашу прекрасную статью об эволюционных воззрениях В. И. Талиева ¹¹.

Мне часто приходилось говорить с ним по этим вопросам. Вы верно передали его взгляды. Может быть, следует еще резче подчеркнуть, что, во-первых, ортогенетические взгляды В. И. Талиева ничего общего не имеют с ортогенезом Эймера ¹² и ему подобных авторов, и, во-вторых, его взгляды на роль гибридогенных процессов в эволюции — с взглядами Лотси ¹³ (или более новых Гериберта Нильсона) ¹⁴. В. И. Т[алиев] ортогенез связывал, как он это всегда подчеркивал, с определенными физико-химическими структурами и свойствами живого вещества в разных его конкретных проявлениях.

Указанное более сильное подчеркивание материалистических взглядов В. Т[алиева] необходимо потому, что известная Вам банда встречает Вашу статью в штыки.

Вашу же статью надо всемерно приветствовать, так как взгляды В. И. Т[алиева] совершенно незаслуженно забыты и игнорируются.

В. Сукачев

№ 6

В. Н. Сукачев — П. А. Баранову ¹⁵

30.12.1957.

Дорогой Павел Александрович!

Сегодня был у Глаголева ¹⁶ и <Чернашина> ¹⁷. Долго говорили о делах «Б[отанического] ж[урнала]», о статье, о положении в АН и проч.

Их претензии к «Б[отаническому] ж[урналу]» только те, о которых я говорил Вам уже со слов В. А. Энгельгардта ¹⁸. Эти обвинения легко было парировать. Вообще их позиция в связи с появлением пресловутой статьи сильно осложнилась. На счет «Бюллетеня» речь шла лишь о ст. Эфроимсона ¹⁹, но их замечания отвести было не трудно.

На мою просьбу дать совет, как реагировать нам на «статью», мне сказали, что надо написать развернутый ответ и послать в «Известия». Если там будут затруднения, то, сказали, тогда обратиться надо к ним. О статье в «Изв[естиях]» они говорят, не были вовсе осведомлены. Этим ведает другой отдел в ЦК.

Во всяком случае, надо скорее написать ответную статью размером в один «подвал». Поэтому не откажите организовать это дело. Я здесь уже думал на эту тему и свои соображения, если они понадобятся, добавлю в эту статью.

Говорил сегодня я и о выборах в АН СССР, о необходимости увеличить число академиков-биологов, в частности ботаников и зоологов. Возражений не было.

В соответствии с письмом А. В. Т[опчиева]²⁰ к В. А. Э[нгельгардту], о котором я говорил, в Бюро подготовлен состав комиссии, которая должна ознакомиться с «Б[отаническим] ж[урналом]». Состав намечен таков: Ковда²¹, Мишустин²², Туманов²³, Лапин²⁴ и Курсанов²⁵. Пока еще приказа по Отделению нет, но Спасский²⁶ думает, что этот состав будет окончательным. Ознакомление с деятельностью «Б[отанического] ж[урнала]» предпринято по указанию ЦК, так мне там сказали.

Совет МОИП единогласно принял резолюцию такую же, как и совет ВБО, но более короткую.

Очень хорошо прошло заседание в «Доме ученых», посвященное Н. И. Вавилову, П. М. Жуковский²⁷ сделал хороший доклад.

Вот и все наши новости. Официально я со 2 по 10 января буду в отпуске, но по просьбе В. А. Э[нгельгардта] буду проводить заседание Бюро.

Ближайшее бюро намечается на 3 (пятница) января. Впрочем, окончательно этот срок еще не установлен. Может быть у Вас (Д. В. Лебедев и др.) готовят к этому дню статью для «Из[вестий]». Если Вы приедете на Бюро, то хорошо было бы, если бы Вы ее привезли с собой.

Еще раз шлю Вам и Анне Артемовне²⁸ от себя и своей семьи поздравления с Новым годом и самые лучшие пожелания.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Сукачев

P.S. Большое значение, как я сегодня выяснил, придается конференции по философии естествознания. На ней только будет 2 проблемы: физика и биология (точнее генетика). Будут приглашены все академики и чл.-корр. И все профессора, близкие к этим дисциплинам. За месяц будут разосланы тексты всех докладов, чтобы обсуждение прошло содержательно. Такое мнение в ЦК.

В. Сукачев

№ 7

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

31.01.58.

Дорогой Даниил Владимирович!

Кроме Вашей статьи была составлена статья для «Известий» и в МОИП (Дубинин, Кудряшов²⁹ и др.). Так как, по общему мнению, было признано, что Ваша статья очень хороша и превосходит статью МОИПа, то вчера делегация из 5 человек, в число которых входил и Павел Александрович [Баранов], передала Вашу статью гл. редактору «Известий». Беседа продолжалась 1 час. Редактор сказал, что ознакомится обязательно со статьей и тогда будет принято решение. Он полемизировал с нами, говоря, что нельзя отрицать <больших> заслуг Л[ысенко] перед с/х. Мы доказывали обратное. Сегодня я Вашу статью посылаю в отдел науки ЦК. Тихомиров³⁰, вероятно, уже передал статью Колданова³¹. Ее надо хорошо отредактировать.

С искренним приветом

В. Сукачев

№ 8

В. Н. Сукачев — Д.В. Лебедеву

8.V.58.

Дорогой Даниил Владимирович!

К моему огорчению дело с подготовкой к дарвиновским торжествам движется очень медленно. Мы (т.е. президиум комиссии, избранной Бюро ОБН) и В. А. Энгельгардт направили в Президиум АН СССР предложение просить Правительство о назначении большого комитета для организации этих торжеств. Пока, однако, дело затормозилось. На ближайшем Бюро От[деления] б[иологических] н[аук] я поставлю вопрос о печатании сборника, о котором Вы пишете, не дожидаясь создания большого комитета. Издать такой сборник крайне необходимо.

Посылаю статью И. И. Шмальгаузена³², которую, как я пишу в особом представлении, желательно скорее напечатать.

В конце мая предполагаю приехать в Ленинград. Тогда же прошу назначить и заседание редколлегии.

С искренним приветом

В. Сукачев.

№ 9

В. Н. Сукачев — Д.В. Лебедеву

6.X.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

Только что купил книгу «Философские вопросы естествознания». I, 1958 г. Изд. Московского у[ниверсите]та. Ее только бегло просмотрел, но не могу не излить Вам свое возмущение. Это черт знает, что такое! Не знаю, видели ли Вы ее? Невежество конкурирует с бессовестностью! Хотя некоторые статьи (напр[имер] Фейгинсона³³) импонируют своей «научностью». Один список литературы содержит 147 номеров, из которых подавляющее большинство иностранных!

Я считаю необходимым организовать составление критического сильного ответа. Так как в этом сборнике, наряду с Платоновым³⁴, Дворянкиным³⁵, Новинским, Фейгинсоном и др., фигурирует и «лауреат Сталинской премии» Нестеров³⁶, совершенно несуразные вещи пишущий о многих взглядах, то в составлении ответных статей хотел бы и я принять участие.

Нельзя оставить без ответа также статью Нуждина³⁷ в «Вопросах философии».

Продолжаю слышать со всех сторон восторженные отзывы о Вашей статье в № 8 «Б[отанического] ж[урнала]». Слышал также, как по поводу ее неистовствует Глущенко³⁸ и грозит всяческими напастьми.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы не отказали мне черкнуть несколько слов о Ваших соображениях на счет этого сборника и статьи Нуждина, а также о делах в редакции.

Президент согласился запросить у Афанасьева ³⁹ его согласие на напечатание письма его, но ответа пока нет.

Всего доброго.

С искренним приветом

Ваш В. Сукачев

№ 10

В. Н. Сукачев — М. С. Яковлеву ⁴⁰

11.X.1958.

Дорогой Михаил Семенович!

Посылаю четыре протокола заседаний редколлегии «Б[отанического] ж[урнала]», мною подписанные.

В отношении оценки деятельности «Б[отанического] ж[урнала]» у нас есть решение комиссии, утвержденное Бюро О[тделения] б[иологических] н[аук].

Обвинение, что мы не печатаем статей противоположной точки зрения, несостоятельно: 1) у нас ранее такие статьи были, а в последнее время — статья Фролова ⁴¹, 2) что их немного, то в этом мы не виноваты, нам их не присылают, хотя мы в свое время приглашали (печатно) помещать статьи обоих направлений и 3) в сущности, редколлегия вправе пропагандировать то направление, которое она считает правильным и отражающим мнение всего Всесоюзного ботанич[еского] общ[ества].

В случае необходимости апеллируйте ко мне. Пусть говорят со мной в Москве.

Думаю, что особенно считаться с тем, что может говорить Ч[екменев] ⁴², не стоит. Он любит пугать, но последствий это обычно не имеет. В Президиуме же в данное время сочувствие на нашей стороне. Недавно я говорил с Н. М. Сисакином ⁴³, который всегда очень чутко отражает мнение Президиума и особенно А. В. Т[опчиева], и убедился, что действия противоположной нам стороны не одобряются ими.

Желаю Вам и членам редколлегии полного успеха в защите правого дела. Читали ли Вы «Философские вопросы естествознания». т. I, 1958, издание Моск[овского] гос[ударственного] у[ниверсите]та? В этой большой книге на ее страницах соревнуется малограмотность с недобросовестностью.

Передайте от меня привет друзьям-ботаникам БИНа.

С искренним приветом

В. Сукачев

№ 11

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

11.X.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

Большое спасибо за Ваше письмо от 9/X, которое я сейчас получил. Сегодня послал М. С. Яковлеву протоколы редколлегии, которые нашел у себя,

с просьбой передать их Вам. К сожалению, мне не удалось лично его повидать. Для меня не ясно, откуда Вы получили сведения, что к Вам скоро едет Ч[екменев]. Я писал М. С. Яковлеву, что Ч. любит пугать, но его угрозы обычно последствий не имеют. На днях говорил о разных делах с Н. М. Сисакином. Судя по этому весьма совершенному барометру, отношение к нам со стороны Президиума не плохое и, наоборот, отрицательное к противной стороне.

Я не сомневаюсь, что Вы и Владимир Иванович [Полянский] дадите надлежащий отпор, если будут попытки оказать давление на редколлегия. В случае необходимости направляйте его к главному редактору. Во всяком случае, Вы ни в коем случае не смущайтесь меня беспокоить. Я очень прошу меня информировать сейчас же обо всем, хотя бы и самом неприятном.

Ваши планы в отношении организации критики «Философских вопросов естествознания» я считаю правильными. Конечно, неприятно и обидно тратить время на эту книгу. Но без этого обойтись нельзя. Лучше Вас, конечно, никто не ответит, но для облегчения Вашего желательно дать коллективный ответ. Все же главная роль принадлежит Вам.

Шлю Вам искренний привет и добрые пожелания.

Ваш В. Сукачев

№ 12

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

9.X.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

Посылаю Вам статью проф. Ю. М. Оленова⁴⁴. Она очень хороша и ее необходимо напечатать в «Б[отаническом] ж[урнале]». Мне кажется только, можно сократить первые страницы. Слишком много в них выражений, прямо не относящихся к теме статьи и несколько шаблонных или во всяком случае часто употребляемых. Конечно, такое введение является не лишним, но его можно сильно сжать. Впрочем, это дело автора. Я не буду возражать и против его сохранения полностью.

Очень интересуюсь рецензией В. В. Скрипчинского⁴⁵ на книгу В. Н. Столетова⁴⁶. Когда она (рецензия) поступит в редакцию окончательно? Что удалось сделать в отношении рецензирования «Философии естествознания», I, выпущенной МГУ?

Хотя я приеду в Ленинград на 20 и 21 ноября, но, может быть, Вы мне успеете написать еще в Москву, сообщив также, что особого предполагаете Вы поставить на обсуждение редколлегии?

В Институте леса у нас большое смятение не только умов, но и чувств в связи с проектом перевода Института леса в Красноярск или, по крайней мере, части его сотрудников. Я, конечно, туда не поеду. Мне обещано в Академии наук в Москве создать все условия для продолжения интересующих меня работ. Во что все это выльется, пока неясно.

Вы писали, что проф. Оленов должен был приехать в Москву на философ-

скую конференцию и зайти ко мне. Очень жаль, что это не осуществилось. Я очень хотел бы его повидать.

Шлю Вам искреннейший привет.

Ваш Сукачев

№ 13

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

6.XII.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

У меня залежалось письмо Д. О. <Баумана> ⁴⁷ из Хабаровска. Не знаю, ответила ли ему редколлегия и как? Мне думается, не отразить его в «Б[отаническом] ж[урнале]» нельзя. Но как? Полностью его печатать вряд ли стоит. Если есть еще какие-либо материалы подобного рода, то, может быть, напечатать краткую обзорную заметку от редакции?

Как я и предполагал, обращение к Энгельгардту В. А. о созыве совещания по вопросам программ ботаники в школе его мало заинтересовало. Решено, после довольно вялого обсуждения этого вопроса на Бюро О[тделения] б[иологических] н[аук], считать желательным, чтобы Министерство образования созвало по этому вопросу (преподавание ботаники и зоологии) совещание.

В последние дни я нахожусь в состоянии большого смятения. Вопрос о переводе Института леса АН СССР в Красноярск очень осложнился. Также не ясны перспективы создания большой лаборатории по лесоведению в Москве. Удручающе действует то, что ответственные лица ведут безответственные, противоречивые речи, дают обещания, которым мало веры. Теперь выяснилось, что в решении вопроса о переводе И[нститута] л[еса] в Красноярск определенную роль сыграл Л[ысен]ко. Вместе с тем такое положение этого вопроса вносит невероятную сумятицу и дезорганизацию в коллектив Института леса.

Все это создает чрезвычайную трудность мне в отстаивании сохранения той линии, которая в течение 14 лет была руководящей нитью в работе И[нститута] л[еса] и себя не только оправдала, но и завоевала признание в Советском Союзе и в зарубежных странах.

Одним словом, настроение отвратительное при общем упадке духа.

Шлю Вам добрые пожелания.

Ваш В. Сукачев

P.S. Письмо Баумана одновременно высылаю.

№ 14

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

14.12.1958.

Дорогой Даниил Владимирович!

Только что одновременно получил Ваше письмо и газету, где напечатана статья о «Б[отаническом] ж[урнале]». За Ваше письмо сердечно Вас благодарю. В эти трудные дни поддержка друзей-ботаников особенно дорога.

Обо всем этом поговорим или напишу Вам потом. Сейчас же только скажу, что ответить надо. Ответ, конечно, не будет напечатан, но никто не сможет сказать, что мы согласны со статьей. Обсудите этот вопрос с членами редколлегии. Жаль, что сейчас нет здесь П. А. Баранова и А. Л. Тахтаджяна ⁴⁸.

Статья, между прочим, подтверждает, по моему мнению, слухи о том, что в судьбе И[нститута] л[еса] сыграли те силы, о которых идет речь в статье.

В среду сюда, кажется, придут Е. М. Лавренко и Б. А. Тихомиров. Хорошо было бы, чтобы они смогли уже сообщить мне мнение редколлегии.

Еще раз горячо Вас благодарю за Ваше теплое письмо.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Сукачев

№ 15

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

7.1.1959.

Дорогой Даниил Владимирович!

Более трех недель прошло со времени появления пресловутой статьи, но вполне оправиться от ошеломляющего впечатления не могу. Трудно также помириться, что журнал, который создал такие высокие традиции в нашей науке, журнал, с которым я был в той или иной мере связан с его первых месяцев существования, вряд ли в какой-либо степени сохранит свой характер.

Вы так много отдавали ему своих сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это. Хотя «Бюллетень МОИПа» мне не был близок так, как «Б[отанический] ж[урнал]», но история с ним доставляет мне много огорчений. И так как эта история еще не пришла к своему логическому концу, то предстоит иметь с ним еще много неприятностей. Но все эти тяготы не должны влиять на принципиальность в науке. Надеюсь, что никто из членов редколлегии «Б[отанического] ж[урнала]» и Совета ВБО не сможет признать не верной нашу линию, направленную на борьбу с мракобесием и дискредитацией советской науки.

Сегодня я говорил с М. С. Яковлевым о Г. Г. Левине ⁴⁹, а потом получил письмо от него. Сейчас отвечаю ему особым письмом. Так как единица Г. Г. Левина фактически принадлежит «Б[отаническому] ж[урналу]» и в штат Ин[ститута] леса включена лишь формально, то я, к сожалению, ею распоряжаться не могу. Это право принадлежит новой редколлегии. Ее долее держать в Ин[ституте] леса нельзя. Если печатание «Б[отанического] ж[урнала]» сохранится в Ленинграде, то ее, естественно, надо перечислить в БИН. В таком смысле я говорил с М. С. Яковлевым. Если я этому в какой-либо форме могу содействовать, то я охотно сделаю что надо.

Крепко жму Вашу руку и как бывший гл. редактор «Б[отанического] ж[урнала]» горячо благодарю Вас за все то, что [Вы] сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много.

Ваш В. Сукачев

Прошу передать также всем членам аппарата редакции «Б[отанического] ж[урнала]» мою искреннюю признательность за их успешную работу в редакции.

№ 16

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

29.I.1959.

Дорогой Даниил Владимирович!

От имени редколлегии Биологического отдела Бюллетеня МОИПа обращаюсь к Вам с большой просьбой написать для этого журнала статью о задачах биологии в свете решения XXI съезда КПСС. Мы считаем, что никто лучше Вас не сможет написать такую статью. Так как ее надо будет сдавать в печать в ближайшее время, то статью необходимо получить не позже 10 февраля. Размер ее — около 1 печ[атного] листа.

Я понимаю неожиданность такой просьбы, но уверен, что Вы ее легко сможете написать в несколько дней. Ее необходимо посвятить биологии в целом, но в самом общем аспекте, не вдаваясь в специальные проблемы. Поэтому Вы, хотя и ботаник, но имеете столь широкий общебиологический профиль, что с этой статьей прекрасно справитесь. Эта статья будет оплачена гонораром.

Жду от Вас положительного ответа и заранее благодарю Вас от имени редколлегии. Не знаю, какие окончательные выводы сделала комиссия, обследовавшая БИН. Н. П. Дубинин сказал, что обследовательская комиссия по его институту в Новосибирске принуждена была сделать положительные выводы. Большую полезную роль при этом сыграл акад[емик] М. А. Лаврентьев⁵⁰.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Сукачев

№ 17

В. Н. Сукачев — Д. В. Лебедеву

20.II.1959.

Дорогой Даниил Владимирович!

От всего сердца благодарю Вас за статью. Она очень хороша. Как раз то, что нужно. Вы непревзойденный мастер для статей широкого биологического профиля. Тр[удовое] согл[ашение] будет Вам на днях прислано. Еще раз большое спасибо!

Ваш В. Сукачев

Примечания

¹ Шишкин Борис Константинович (1886–1963), ботаник, чл.-корр. АН СССР с 1943 г., директор БИНа (1938–1949), одновременно завкафедрой систематики ЛГУ, вице-президент Всесоюзного ботанического общества (1946–1963).

² Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987), чл.-корр. АН СССР с 1946 г., академик с 1968 г., завотделом геоботаники БИНа.

³ Купrevич Василий Феофилович (1897–1969), миколог, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., директор БИНа (1949–1952), президент АН БССР (1952–1969).

⁴ Полянский Владимир Иванович (1907–1959), альголог, заведующий Ботаническим музеем БИНа.

⁵ *Сочава Виктор Борисович* (1905–1979), геоботаник и географ, чл.-корр. АН СССР с 1958 г., академик с 1968 г., профессор ЛГУ и ЛГПУ им А. И. Герцена, директор Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР.

⁶ *Ширишов Петр Петрович* (1905–1953), гидробиолог, академик АН СССР с 1939 г., нарком, министр морского флота СССР (1942–1948), директор Института океанологии АН СССР.

⁷ *Новинский И. И.*, полубиолог, полуфилософ, активно поддерживавший Т. Д. Лысенко.

⁸ Оригинальный текст статьи Д. В. Лебедева не сохранился, какая именно фраза была зачеркнута установить не удалось.

⁹ *Дубинин Николай Петрович* (1907–1998), генетик, чл.-корр. АН СССР с 1946 г., академик с 1966 г., завлабораторией радиационной генетики в Институте биофизики АН СССР, директор Института цитологии и генетики СО АН СССР.

¹⁰ *Бахманн А. Л.*, мексиканский ботаник.

¹¹ *Талиев Валерий Иванович* (1872–1932), ботаник, профессор, завкафедрой ботаники в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

¹² *Эймер Теодор* (1843–1898), немецкий зоолог-эволюционист, профессор Тюбингенского университета, автор концепции ортогенеза.

¹³ *Лотси Ян Пауль* (1867–1931), голландский ботаник-эволюционист, работал в различных университетах Германии, Нидерландов, США, автор концепции гибридогенеза.

¹⁴ *Нильсон Гериберт* (1873–1949), шведский ботаник и генетик, профессор Лундского университета и одновременно директор Института селекции растений в Свалёфе.

¹⁵ *Баранов Павел Александрович* (1892–1962), ботаник, чл.-корр. АН СССР с 1943 г., замдиректора Ботанического сада (1944), председатель Президиума Молдавского филиала АН СССР (1949–1954), директор БИНа АН СССР (1952–1962).

¹⁶ *Глаголев*, вероятно, кто-то из отдела кадров АН СССР.

¹⁷ Фамилию невозможно точно определить.

¹⁸ *Энгельгардт Владимир Александрович* (1894–1984), биохимик, академик с 1953 г., академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР (1955–1959).

¹⁹ *Эфроимсон Владимир Павлович* (1908–1989), генетик, после заключения библиограф в Библиотеке иностранной литературы.

²⁰ *Топчиев Александр Васильевич* (1907–1962), химик, главный ученый секретарь Президиума АН СССР.

²¹ *Ковда Виктор Абрамович* (1904–1991), почвовед, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., директор Департамента точных и естественных наук ЮНЕСКО.

²² *Мишустин Евгений Николаевич* (1901–1991), микробиолог, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., академик с 1974 г., завотделом почвенной микробиологии Института микробиологии АН СССР.

²³ *Туманов Иван Иванович* (1894–1985), физиолог растений, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., завлабораторией Института физиологии АН СССР.

²⁴ *Лапин Петр Иванович* (1909–1986), дендролог, чл.-корр. АН СССР с 1976 г., замдиректора Главного ботанического сада АН СССР.

²⁵ *Курсанов Андрей Львович* (1902–1999), физиолог растений, академик АН СССР с 1953 г., директор Института физиологии растений с 1952 г.

²⁶ *Спасский Алексей Андреевич* (р. 1917), паразитолог, с.н.с. Гельминтологической лаборатории АН СССР.

²⁷ *Жуковский Петр Михайлович* (1888–1975), растениевод, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., директор Весоюзного института растениеводства.

²⁸ *Баранова Анна Артемовна*, ботаник, жена чл.-корр. АН СССР П. А. Баранова.

²⁹ *Кудряшов Леонид Васильевич* (р. 1910), ботаник, завкафедрой МГУ.

³⁰ *Тихомиров Борис Анатольевич* (1909–1976), завлабораторией растительности Крайнего Севера.

³¹ *Колданов В. Я.*, замминистра лесного хозяйства СССР.

³² *Шмальгаузен Иван Иванович* (1884–1963), зоолог, морфолог-эволюционист, академик с 1935 г., завлабораторией Зоологического института АН СССР.

³³ Фейгинсон И. Н., ярый сторонник Т. Д. Лысенко, доцент кафедры генетики и селекции МГУ.

³⁴ Платонов Георгий Васильевич (р. 1918), философ, завсектором философии естествознания Института философии АН СССР (1951–1958), завкафедрой философии естественных факультетов МГУ (1959–1965).

³⁵ Дворянкин Ф. А., сторонник Т. Д. Лысенко, завкафедрой дарвинизма МГУ.

³⁶ Нестеров Яков Степанович (р. 1915), дендролог, чл.-корр. ВАСХНИЛ, работал в ВИРе.

³⁷ Нуждин Николай Иванович (1904–1974), генетик, радиобиолог, сторонник Т. Д. Лысенко, чл.-корр. АН СССР с 1953 г., работал в МГУ и в Институте генетики АН СССР.

³⁸ Глуценко Иван Евдокимович (1907–1987), агробиолог, сторонник Т. Д. Лысенко, академик ВАСХНИЛ с 1956 г., завлабораторией по генетике растений в Институте генетики АН СССР (1941–1965).

³⁹ Афанасьев, инициалы установить не удалось.

⁴⁰ Яковлев Михаил Семенович (1902–1997), эмбриолог растений, замдиректора БИНа.

⁴¹ Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999), философ, академик АН СССР с 1987 г., сотрудник журнала «Вопросы философии».

⁴² Чекунов Е. М., замминистра совхозов СССР, начальник Главного управления по лесному хозяйству при Совете Министров СССР.

⁴³ Сисакян Норайр Мартirosович (1907–1966), биохимик, академик АН СССР с 1960 г., и. о. академика-секретаря Отделения биологических наук (1959), главный ученый секретарь Президиума АН СССР (1959–1963).

⁴⁴ Оленов Юрий Михайлович (1910–1977), генетик, завлабораторией в Институте цитологии АН СССР (1957–1977).

⁴⁵ Скрипчинский Владимир Васильевич (р. 1909), эмбриолог растений, профессор Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства и Краснодарского сельскохозяйственного института.

⁴⁶ Столетов Всеволод Николаевич (1907–1989), генетик, замминистра высшего образования СССР (1954–1959), министр высшего и среднего специального образования РСФСР (1959–1972), одновременно завкафедрой генетики в МГУ.

⁴⁷ Бауман Д. О., лесничий из Хабаровского края.

⁴⁸ Тахтаджян Армен Леонович (р. 1910), ботаник-эволюционист, академик АН СССР с 1972 г., профессор ЛГУ (1949–1961), одновременно с 1954 г. работал в БИНе.

⁴⁹ Левин Г. Г. (р. 1916), ботаник, секретарь «Ботанического журнала».

⁵⁰ Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980), математик, академик АН СССР, председатель СО АН СССР.

Г. Г. ГРИГОРЯН, Л. М. КОЖИНА

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ МУЗЕИ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ОБЛАСТИ ТЕХНИКИ

Наука и техника не только органично входят в понятие «культура», но и в немалой степени определяют ее содержание. Научное знание создает основу для непрерывного развития производительных сил общества, влияет на все социальные процессы, на решение глобальных проблем человечества. В этом заключается фундаментальный вклад науки и техники в культуру.

Культура будущего строится на фундаменте, заложенном в прошлом. Это накопленный на протяжении многовековой истории коллективный опыт народа, его знания, умения, традиции. Стремление сохранить свою самобытность заставляет народы хранить и передавать из поколения в поколение накопленные культурные ценности. Огромную роль в этом играют музеи.

Музеи, отражающие деятельность человека в области создания техники и технологии, — это самостоятельная музейная отрасль, сформировавшаяся в результате осмысления общественным сознанием проблем промышленной революции XVIII в.

Самым первым научно-техническим музеем можно считать Французский национальный музей техники в Париже (Консерватория искусств и ремесел), созданный декретом Конвента 10 октября 1794 г. по предложению аббата Генри Грегуара. Грегуар претворил в жизнь замысел Р. Декарта о сохранении «машин» и демонстрации их в действии для познавательных целей. Конвент постановил образовать в Париже «публичный» депозитарий творений и ремесел, «свободный для всех типов изобретений». В этом депозитарии, в соответствии с решением Конвента, должны были быть сохранены машины, модели, инструменты, чертежи, книги, а также материалы, отражающие изобретения и усовершенствования из всех областей техники и ремесел. Декрет также требовал, чтобы посетителям депозитария давались объяснения конструкций и принципов действия выставленных образцов. Депозитарий был расположен в здании монастыря Святого Мартина, где музей находится и сейчас¹.

Начало широкой музеефикации техники пришлось на вторую половину XIX в., на период возникновения крупной промышленности, роста сети железных дорог, обострения промышленной конкуренции между европейскими странами. Эйфория, порожденная промышленной революцией, увлечение идеями рационализма с одной стороны, а также объективная необходимость развивать торговлю и кооперирование усилий на национальном и международном уровнях в деле развития индустрии — с другой стороны,

¹ Musée National des techniques: Conservation National des Arts et Métiers. Paris, 1980.